18+ Сергей Новиков

Соседи

Смешные и трагикомические истории

Сергей Новиков

Соседи. Смешные и трагикомические истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26340085
ISBN 9785448574313

Аннотация

Сборник историй в духе «смех сквозь слёзы». Нелепые пьяницы, незадачливые плейбои, застенчивые бандиты, а также шедевры непредумышленного юмора от недалёких пиарщиков.Электронную книгу «Соседи» можно бесплатно скачать в магазинах Ридеро и Амазон, её можно найти на ЛитРесе и Букмэйте. В тех же магазинах можно купить роман Сергея Новикова «Не здесь и не сейчас». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Рассказы 5
Ночь в опере 5
Буфетчик и француженка 14
В дурдом по собственному желанию 22
Любовь и маркетинг 27
Sex, drugs и предусмотрительность 35
Мастерство не пропьёшь 37
Где сидит покойник 40
Поздно выпитая вторая 42
«Верю, надеюсь, не пью…» 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Соседи
Смешные
и трагикомические истории

Сергей Новиков

© Сергей Новиков, 2018

ISBN 978-5-4485-7431-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Ночь в опере

Наталье Подберёзной ко дню рождения

– Я тут женюсь на днях, – сказал мне школьный приятель после литра на четверых. – Щас вот последний раз один в Твери, на госэкзамены в техникум приехал. Надо пользоваться моментом, в общем. Короче, свёл бы ты нас к бабам.

С приятелем мы не виделись лет семь – с тех пор, как вместе окончили школу в райцентре. А час назад он внезапно возник на пороге квартиры, которую я, дважды недоучившийся студент, неудавшийся коммерсант, в настоящий момент – безработный, снимал под честное слово в столице области. Одноклассник привёл какого-то паренька допризывного возраста, который оказался первокурсником техникума и нашим земляком.

Денег на выпивку не было. Вечер встречи, тянущийся под чай и хлеб, начал катастрофически провисать, когда внезапно появился Майоров с упомянутым выше литром. По жизни Майоров успел побывать участником боевых действий в составе ограниченного контингента советских войск, токарем, автослесарем, продавцом в первом открытом в городе

коммерческом магазине и «лунатиком» (так называли электриков из троллейбусного парка). На нынешнем отрезке биографии он мелким оптом продавал привезённые из Турции китайские люстры, и дело шло. Услышав про баб, Майоров невозмутимо заметил, обращаясь ко мне:

– Мирон, если что, деньги есть.

Две подходящие барышни (обе торговали в ночном ларьке) жили буквально через дорогу. Подружки всегда были рады симпатичным кавалерам. Щедрость приветствовалась, но обязательным условием не была – возраст, внешность и доходы позволяли барышням проявлять разборчивость.

Приняли нас более чем радушно (повышенный энтузиазм был реакцией хозяек на взятый по пути представительский литр «Absolut Kurant» и предназначавшийся для кавалеров литр попроще).

Первые полчаса мы с Майоровым помнили, зачем мы здесь, и свято чтили законы гостеприимства. То есть молчали и не отвлекали внимание на себя.

Но и мои земляки как-то не торопились блеснуть обаянием. Их участие в вечеринке ограничивалось тем, что они очень серьёзно и обстоятельно выпивали рюмку за рюмкой.

Вскоре за столом утвердилось тягостное молчание. Пришлось вступать нам с Майоровым.

Через несколько минут у одной из подруг заблестели глаза. Барышня начала переодеваться. Её домашний халат (мужчины символически отвернулись) сменился на чёрную

эластичную водолазку, которая, едва не взорвавшись на груди, жадно облизала стройную талию. Ниже талии взгляд гипнотизировали белые трусы, ослепительная яркость которых была слегка приглушена светлыми колготками – юбку барышня надела рюмки через три. Уловив намёк, мы с Майоровым переглянулись и задумались над текстом приглашения, но нас опередили.

– У вас есть стиральная машина? – неожиданно спросила барышня.

– Да, – обрадовался я, – есть, но…

(У меня на квартире действительно имелась машина «Малютка», правда, неисправная, однако закончить ответ и сообщить о поломке я не успел).

– Так мы… (вопросительный взгляд в сторону подруги) …так я у вас постираю?

– Базаров нет! – восторженно выдохнул Майоров.

Давно сломавшаяся «Малютка», которая по прибытии должна была доиграть роль приличного предлога и сойти со сцены, после включения в сеть несколько раз подпрыгнула и вдруг завелась. Гостья, не проявив ни малейшего интереса к прихваченным по дороге двум литрам, распотрошила принесённый узел с грязным бельем и натурально принялась стирать. Правда, между делом она всё-таки забегала в комнату выпить. Сначала забегала в юбке. Потом как-то незаметно на ней снова остались водолазка, колготки и трусы.

– Душно!.. – оправдывала стриптиз барышня, обмахива-

ясь только что выстиранной юбкой.

Сплясав с нами под «'39» и «Seaside Rendezvous», гостья избавилась от колготок и водолазки. Колготки изодрались об пол и полетели в форточку, а пропитавшаяся потом водолазка была отправлена в «Малютку». Под водолазкой обнаружилась белая майка с бретельками. Как и водолазка, майка изумительно обрисовывала талию. Однако выше талии майка растягивалась куда соблазнительней водолазки.

Зрелище произвело впечатление. Земляки плотоядными взглядами впились в тяжёлые, будто бы литые выпуклости. Или скажем иначе: уставились на выдающуюся грудь барышни. Явленный нам бюст был примечателен не только размером, но и тем, что положив на закон тяготения, задорно стремился вверх. Благодаря этой феноменальной физике, майка приподнималась и обнажала полоску живота над трусами. На ощупь, не отрывая глаз от не стеснённого лифчиком бюста, земляки с горкой налили себе по стограммовой рюмке и медленно, глотками выпили. Потом школьный приятель встал, и, в упор не замечая барышни, попрощался со мной и с Майоровым. Молодой земляк в точности повторил все его действия.

– Пойдём мы, наверное, – сказал приятель.

– Счастливого пути! – Майоров лучился обаянием и сердечно тряс руки гостям. – Заходите! Рад был познакомиться..!

…«Малютка» перегрелась и остановилась. Гостья набра-

ла в ванну прохладной воды и занялась полосканием. Впрочем, к тому моменту мы с Майоровым уже воспринимали её не как сексуальный объект, а как часть пейзажа, и вопросами вроде кто это, как она сюда попала и зачем она здесь, не задавались – может, человек и правда постирать зашёл.

Мы продолжали выпивать, прибавляя звук магнитофона после каждой рюмки. Когда регулятор громкости дошёл до предела, а кассета с сорокатрёхминутной «A Night At The Opera[1]» поехала на реверсе то ли по третьему, то ли по пятому кругу, мы созрели для интеллектуальной беседы. Я ни к селу, ни к городу напел: «Один Жан-Поль Сартра лелеет в кармане и этим сознанием горд». Майоров цитату не узнал, но Сартром заинтересовался крепко. Я принёс сборник. Напыжился и попытался вспомнить определение экзистенциализма, которое никогда не знал. Майоров моим экспромтом не удовлетворился и попросил почитать Сартра вслух. Слушал очень внимательно. Время от времени рассеянно улыбался. Иногда почтительно кивал. Выказав почтение Сартру, наполнял рюмки.

Мои завывания (я старался читать *экзистенциально*) под громкокипящую музыку «Queen» напомнили Майорову школьные годы – радиоточку, театр у микрофона и пьесу «Ревизор». Решили воссоздать. Я сходил за Гоголем, а когда вернулся, Майоров уже сидел за столом не один. Компанию

---

[1] «Вечер в опере», альбом группы «Queen». В СССР это название переводили как «Ночь в опере».

ему составляла наша гостья, которая весьма вольно расположилась в кресле. (Вольно – это закинув ноги на подлокотники; правую ногу на правый подлокотник, а левую, соответственно, на левый). Из одежды на ней по-прежнему были только трусы и майка.

– Я спать хочу… Мне что, домой идти? – с вызовом произнесла она.

– Конечно нет, – с удивлением поднял брови Майоров. – Посиди с нами. Побеседуем. Вот Мирон Гоголя принес. Знаешь такого? Знает… – Майоров заметно огорчился и выпил. – А этого… Мирон, скажи.

– Сартра? – опознанного Гоголя я за ненадобностью положил в кресло. Туда, где должны были бы находиться колени красавицы, будь она чуточку скромнее.

– Да нет, ты хуже говорил.

– Художественную прозу французского философа-экзистенциалиста, лауреата нобелевской премии по литературе за 1964 год Жана-Поля Сартра?

– Его. – Майоров налил ещё. – Его знаешь?

– Нет.

– Так сиди и читай! – Майоров ткнул барышне в грудь раскрытую книгу и обратился ко мне с риторическим вопросом:

– По пятёре?

Гостья, которую пятёрой обнесли, насупилась. Сняв ноги с подлокотников, она сомкнула колени и приняла уютную девичью позу (про такую обычно пишут «забралась в кресло

с ногами»). Потом налила себе стакан водки, чуточку отпила из него, положила Сартра на тугое гладкое бедро и начала читать «Слова».

Допив, мы с Майоровым отправились спать. Кажется, светало.

Мы удивились, когда не смогли улечься на диване. На нём, строго по центру, лежала гостья. Майки с бретельками на ней уже не было. Зато на животе, слегка прижатые резинкой трусов, располагались Сартр и Гоголь. Услышав нас, барышня, не открывая глаз, закинула руки за голову и потянулась, чуть выгнув спину в изящном мостике. Мелькнули плоский живот, загорелые рёбра, хорошо выбритые подмышки. Над Сартром и Гоголем упруго качнулся обнажённый бюст.

Майоров слегка оживился; я тоже. Бросили жребий. Жребием определяли не очерёдность, а спальное место – кому у стены, кому с краю. С краю оказался Майоров. Он спросил:

– Нет ли у тебя немецкого порно? – и, получив кассету, утешил:

– Ты спи, спи, я звук включать не буду. – После чего повернулся к нам с барышней спиной.

Внезапное самоустранение Майорова и старательность, с которой наша красавица изображала спящую, вызвали у меня паническое чувство непосильной ответственности. Говоря проще, я занервничал. Увидел сборник Сартра, выглядывающий из трусов барышни, и осторожно положил руку ей на живот. Под моими пальцами кожа ниже пупка резко

вздрогнула, напряглась и покрылась мурашками. А я начал аккуратно вытаскивать книгу. Красавица старательно зевнула, перекатилась на бок и ловко обняла меня за шею. Прохладный бюст обжёг прикосновением мою грудь, в живот острым углом упёрся Сартр. Пришлось брать томик Гоголя, который выпал из её трусов сам – Гоголь был потолще Сартра, и при резком движении барышни резинка его не удержала. Поэтапно, будто бы ворочаясь во сне, я принялся выползать из кольца сомкнутых на моей шее рук. Манёвр удался. Эффектно всхрапнув, я резко развернулся лицом к стене и открыл книгу.

Сзади послышалась характерная возня – как если бы кто-то пытался проникнуть под уже потревоженное мной бельё красавицы. «Ну, наконец-то!» – подумал я и оглянулся. Зажмурившийся Майоров шарил руками по телу барышни, которая вновь замерла в томительной готовности. Со всей мыслимой деликатностью он пытался извлечь из трусов нашей прекрасной гостьи сборник Сартра. У него получилось.

Полчаса мы с Майоровым читали при скудном освещении, которое давали немецкий порнофильм и убогий февральский рассвет. Потом начала поскуливать моя истомившаяся от неопределённости собака: она привыкла спать со мной, но, когда по ночам случались посетительницы, забиралась на диван только после финала. Я щёлкнул пальцами. Собака облегчённо прыгнула на нашу троицу, потопталась по нам тридцатью килограммами живого веса и, в конце

концов, устроилась в ногах. Все уснули.

Утром гостья засунула в узел с недосохшим бельём Сартра и Гоголя.

– Это чтоб к следующему разу подготовиться, – съязвила она и злобно хлопнула дверью.

– Это как же так получилось? – выдавил я. И, прежде чем перевести взгляд на Майорова, несколько секунд ошарашено смотрел на закрытую дверь. – Ты, кстати, хоть буквы-то вчера видел?

Майоров, который, судя по тревожным глазам, был удивлён не меньше моего, с достоинством англичанина-викторианца натянул на лицо ироническую полуулыбку и произнёс:

– Да уж, дама нарядная… Но, с другой стороны, время неплохо провели, в общем-то. Когда б я ещё Сартра почитал…

2001, 2006, 2009.

Буфетчик и француженка

Билет купить не удалось. Проводники под свою ответственность везти не решились и послали в штабной вагон.

Начальник поезда – мощная, властная женщина – попросила паспорт. Открыла страницу с пропиской и неожиданно поинтересовалась моей профессией.

– Пишу в газету про налоги.

– И про что только теперь в газету не пишут, – удовлетворённо сказала начальник. – Впрочем, вы нам подходите. Как тронемся, входите и садитесь в третье купе.

Поезд тронулся, я пошёл на место.

Вагон был переполнен. Однако в третьем купе находился всего один пассажир. На нижней полке манерно сидела длинноногая девица. Судя по причудливости позы, спина барышни обладала невероятной гибкостью. Белый окрас тонких брюк немного подтаивал там, где они плотно прилегали к загорелым ногам. Крохотная белоснежная майка на фоне вызывающе роскошного красного лифчика выглядела необязательным аксессуаром. Лицо барышни не желало подчиняться зрительной памяти. А память вербальная после мимолетного знакомства сохранила бы о лице не больше трёх слов: неправильное, привлекательное, ускользающее. Барышня смотрела на меня в упор.

«Шикарная француженка», – подумал я, но «добрый ве-

чер» сказал по-русски. Ответа не последовало. Сопровождаемый пристальным взглядом, я присел на краешек противоположной от барышни полки и с интересом уставился в окно, наглухо закрытое пыльной дерматиновой шторой. Купе подавляло сумраком и духотой.

Прошло несколько минут. Поясницу лизнула струйка пота.

– Вы буфетчик? – вдруг произнесла девица на чистейшем русском. Интонация могла убить смесью снисходительности и презрения. Повеяло бывшими крепостными, Серебряным веком, сумасбродными декадентками дворянских кровей и накрахмаленной салфеткой через предплечье.

– Нет, – ответил я, и достал фляжку:

– Выпить хотите?

Барышня капризно помотала головой, продолжая меня гипнотизировать. Я выпил. Возникло желание пошутить.

– Раз уж вы приняли меня за буфетчика, позвольте предложить вам орехов.

(В рюкзаке очень кстати оказался кулёк со смесью кешью, фундука и миндаля).

– Хорошо. Пожалуйста, дайте жареных солёных фисташек, – она привстала с полки. Поворошила кулёк, поморщилась из-за отсутствия фисташек и выбрала миндаль. – А что это вы пьёте? – спросила она, принюхавшись.

– Дешёвый виски, – отвечаю.

Прошло минуты три. Барышня элегантно сгрызла мин-

даль и вновь обратилась ко мне.

– Значит, вы заяц?

– Как вам сказать. Вообще-то я домой еду.

Она начала грызть еще один миндальный орех. Взгляд девушки фокусировался на мне так долго, что я бы не рискнул назвать ее воспитанной. Проще сказать, она не сводила с меня глаз. Конечно, с одной стороны, ноги у нас в роду – весьма выразительная часть тела, а я в шортах. Но в лице, особенно в третьем подбородке, я в последние годы уверен не был, да и насчёт изящества талии сильно сомневался, хотя в сочетании с размахом плеч…. Я выпрямил спину, задрал подбородок, расправил грудь, втянул живот. Чуть подумав, слегка напряг обе голени – и изрядно приложился к фляжке.

– А зачем вы пьёте? Вы ведь сейчас выпили, нет?

– Да.

– А зачем?

– Потому что хочу выпить.

От светской беседы, напоминающей театр абсурда, я стал потеть интенсивнее.

– А вы знаете, что пить вредно? От этого люди умирают (она произнесла «умивают»), я знаю.

– Догадываюсь, что вредно.

– Поэтому пейте лучше морковный сок.

Совет пугал исключительной серьёзностью.

– Хорошо, – пообещал я. И – выпил.

Следующие минут десять глаза барышни сосредоточенно

расстреливали меня то короткими, то длинными очередями. Я смотрел в угол купе, и время от времени пытался приветливо улыбнуться. Несмотря на ударные порции алкоголя, улыбка выходила кривоватой.

– О чём вы думаете? – вдруг кокетливо прощебетала она, после чего уселась на полке на корточки, прислонилась спиной к стене и чуть-чуть сползла вниз, расставив ступни для устойчивости.

Стало очевидно, что цвет трусов под белыми полупрозрачными брюками отличается от цвета лифчика – красное не просвечивало. Тёмное, впрочем, тоже. Брюки в том месте были идеально белыми. Скорее всего, и трусы на ней белые. А, может, дело вовсе не в белых трусах, а в ткани брюк, которая в районе шагового шва плотнее, чем на штанинах. Если же барышня не носит трусов (а почему бы и нет, собственно говоря, вон какая она странная), значит, она делает специальные стрижки, гм, в зоне бикини. Ну, а если она ни стрижек таких не делает, ни белых трусов не носит, то выходит что она – натуральная блондинка.

Переваривая то ли очаровательную естественность, то ли пренебрежительную бесстыдность, с которой мне было позволено устремиться к этим вроде как интимным открытиям, я расплывчато кивнул и выпил.

– А мне сказали, что это купе для работников ресторана, – барышня протянула ногу, положила ее на мою полку и стала непринуждённо помахивать ухоженной стопой. Стопа по-

качивалась в опасной близости от моей руки. Хотя будь барышня чуть более предсказуемой, я наверняка бы порадовался такому соседству.

– Раз вы не буфетчик, значит, вы заяц? Ведь правда? – а вот это уже прозвучало вкрадчиво.

– Ну, вы-то явно не буфетчица, – нашёлся я.

– Но обо мне договаривались. Насчёт меня замгубернатора по туризму звонил!

– Я сам о себе договаривался.

– А это можно?

В вопросе чувствовалась тревога.

– Я часто так делаю, – успокоил я барышню.

– Ага, – заметила она с не слишком уверенной улыбкой. – Ну что ж.

Несколько минут девушка стелила белье на верхнюю полку и хранила молчание. Я сидел под застилаемой полкой, старался не смотреть на её обнажённый живот и часто пользовался фляжкой.

– Вот вы опять выпили, – донеслось сверху. – А я пойду в ресторан. Съем что-нибудь.

– Только не ешьте мяса.

– Как? Оно же вкусное. Надо есть мясо. Я знаю людей, которые не едят мяса. Они очень странные.

– А я покурю. Сигареты вкусные. Знал я людей, которые не курят и они…

– Они странные, да? Скажите, правда, они ведь странные?

Вот видите, можно же найти общую тему. Давайте я не пойду в ресторан. А вы не ходите курить. Я – генеральный директор туристической компании.

Руку она протянула так, что уместными оказались бы и галантный поцелуй, и деловитое рукопожатие.

– У вас ЗАО? Большой оборот? Или вы на упрощёнке? – я с энтузиазмом пожал её руку.

В ответ на мои предположения барышня кивнула.

– «Организации, перешедшие на упрощённую систему налогообложения, освобождаются от обязанности ведения бухгалтерского учёта». Как известно, эта норма содержится в пункте 3 статьи 4 федерального закона «О бухгалтерском учете» №129-ФЗ от 21 ноября 1996 года. При этом такие организации ведут бухучет в отношении основных средств и нематериальных активов по общим правилам. Вы знаете об этом?

– Да.

– А о том, что это прямо противоречит пункту 1 статьи 88 федерального закона «Об акционерных обществах»?

– Разве? Ну, может быть. И что же, по вашему, из этого следует?

– Ну, это не по-моему. Вчера Минфин в Высшем арбитражном суде требовал устранить это противоречие. В Минфине считают, что вы освобождаетесь от обязанности сдавать бухгалтерскую отчетность в налоговые органы на общих основаниях, но не освобождаетесь от обязанности вести

бухучёт в полном объеме. Однако вам повезло: председатель Высшего арбитражного суда, кажется, не разделяет это мнение. А в случаях, когда из-за отсутствия данных бухучёта нарушаются права акционеров, он предлагает судам назначать экспертизу за счет компании.

Конец тирады застал девушку полулежащей на полке в позе одалиски. Она меня больше не разглядывала. Она на меня смотрела. Я перестал потеть, впервые за последние полчаса выпил с удовольствием, и развил успех:

– Каких писателей предпочитаете?

Всплыли, разумеется, Донцова и Робски. После некоторых размышлений нарисовался Коэльо. На этот раз кривоватую улыбку я изобразил нарочно: «Хотите, я вам прочту что-нибудь настоящее?» Прочёл из Бродского. Барышня вздохнула: «Целая история. Но как можно все это запомнить?» – (Пожимая плечами): «А разве можно не запомнить стихотворение, которое нравится?» – «А это было стихотворение?!»

Сдержаться я не успел.

– Могу рекомендовать регулярное прослушивание джазовых пьес. Это должно подготовить ухо – принципы ритмической организации стиха Бродского весьма схожи с законами, по которым строится ритмическая основа джазовой пьесы.

Она перестала на меня смотреть и начала разглядывать. Я снова почувствовал себя буфетчиком. Вспотел, неловко отсалютовал ей фляжкой, выпил и вышел из поезда, на ходу

подумав: «Шикарная француженка».

2006.

В дурдом по собственному желанию

Я увидел её сразу. На этот раз ошибки быть не могло. Ничего похожего на предыдущие случаи. На ситуации, когда я пытался избежать очередного разочарования. Когда убеждал себя, что среди веселящихся на студенческой дискотеке девушек есть несколько очень достойных вариантов. Что я готов потерять голову и без памяти влюбиться в какую-то из них. Нет, чёрт возьми, сегодня всё случилось иначе! Сегодня взгляд мгновенно выхватил её из общей массы и не терял ни на секунду. Даже когда толпа заслоняла её от меня, я знал, где она сейчас находится и где вынырнет через минуту. Эта мгновенно возникшая между нами связь явно неспроста. Это знак. Может быть, это даже судьба.

Она почувствовала мой взгляд. Очень тепло улыбнулась в ответ. Легко согласилась потанцевать со мной. Я боялся в это поверить, но деваться от фактов (танец, улыбка) было некуда: она испытывает те же чувства!

Из-за столь явного обещания взаимности я готов взлететь к крутящемуся под потолком зеркальному шару. И, кажется, даже прилагаю некоторые усилия, чтобы этого не сделать – зачем смущать девушку раньше времени.

Танцуем, болтаем. Она явно увлечена разговором, очень живо на всё реагирует. У неё отличное чувство юмора – она всегда вовремя смеётся! Ну, один раз не в счёт – вряд ли

стоило так хохотать, когда я сказал ей, что она очень похожа на Пат, на Патрицию Хольман, как я её себе представлял, когда читал «Трёх товарищей». Зато, отсмеявшись, она назвала мне своё имя. Её зовут Полина! Отличное имя, между прочим. Влюбиться в Полину куда интереснее, чем в Юлю или Лену.

Мне всё ясно про нас и наше ближайшее будущее – провожаю, идём вполоборота друг к другу, держимся за руки, глаза у обоих сияют, страстно целуемся в подъезде, ей пора домой, где ждут родители, не можем расстаться, договариваемся завтра увидеться с самого утра, и уж потом…

Исключительно для проформы озвучиваю предложение проводить её до дома. Я несколько озадачен отказом, но тут же понимаю, что иначе и быть не могло. Ясен пень, красивая девушка просто обязана иметь какого-нибудь незадачливого ухажёра-воздыхателя. А девушка порядочная никогда не сдаст старого верного ухажёра сразу, это тоже понятно. Короче, главное – не формальный отказ, главное между нами было сказано без слов. Теперь самое важное – шанс не упустить. То есть рук из-за какого-то левого поклонника не опускать, соплей не распускать, а добиваться своего умно, настойчиво и решительно, как Роберт Локамп или его друг Готфрид Ленц.

Следить за ней несложно. Она по дороге к остановке с подругами болтает, по сторонам и назад не смотрит совсем. Садится в первый вагон трамвая, я – во второй. Народу немно-

го, и я отлично её вижу через незапертую кабину вагоновожатого во втором вагоне. Выходит одна, на Благоева, идёт в сторону ДК глухонемых. Тут следить сложнее – ночь, безлюдно, снег белый и фонари хорошо работают. Замечает, бежит. Трогательно так бежит, неловко, фигура хорошая, но спортом явно не занималась. Да ещё спотыкается постоянно, потому что теперь всё время назад смотрит, на меня то есть. Я, чтоб не пугать девушку, и не бегу даже, так, то трусцой, то быстрым шагом, держусь минимум в 30-ти метрах, дистанцию не сокращаю. Мне ведь главное дом и подъезд увидеть, а там уж дело техники.

На следующий день у соседей осторожно номер квартиры выведал. Купил букет, внутрь письмо с признанием в любви по всей форме и с адресом – главпочтамт, мне, до востребования. Минут за десять до её возвращения из Политеха (пока танцевали, она рассказала, где учится, ну, а расписание там у всех на виду висит) вставил в дверную ручку. Она букет в квартиру занесла, и письмо внутри нашла, я из дома напротив в бинокль видел.

Жду ответа, летаю, как на крыльях, всем вокруг рассказываю, что мне дико повезло, наконец-то я настоящую любовь встретил. Помню, соседи мои по общаге, двое первокурсников с нашего филфака, очень за меня радовались. Выспрашивали, как это у нас всё закрутилось, и что именно я ей в письме написал. Ну, мне не жалко, рассказал, пусть молодые красиво ухаживать поучатся.

Она прислала ровно тот ответ, который я ожидал. Как говорил один известный персонаж, о, как я угадал! О, как я всё угадал! Она действительно в тот вечер сразу почувствовала связь между нами; она, если называть вещи своими именами, тоже влюбилась в меня с первого взгляда. Мало того, она объяснила свою застенчивость и формальный отказ именно наличием какого-то дежурного ухажёра, которому она после моей записки немедленно дала отставку. Наконец, она даже извинилась за то, что рассмеялась, когда я сказал ей, будто она похожа на Пат, на Патрицию Хольман. Написала, что, получив записку, буквально залпом проглотила «Трёх товарищей», была потрясена такой лестной оценкой и теперь, в свою очередь, мечтает увидеть во мне Роберта Локампа.

Вооружившись ещё более шикарным букетом и прихватив с собой в качестве талисмана её восхитительное письмо, я отправился на свидание. Меня распирало от счастья, и я не то чтобы шёл. Я, скорее, плыл по воздуху. По пути мне встретились первокурсники с филфака. Узнав о письме Полины, они сначала как-то странно переглянулись, но потом справились с понятной и, в общем-то, простительной в такой ситуации завистью: нашли в себе силы от души за меня порадоваться и пожелать мне удачного свидания.

…

Подруга слушала Полину, приоткрыв рот от удивления.

– А самое главное, – сказала Полина, – что это ещё не всё. Через неделю этот придурок сам припёрся. Я его из дверей

выталкиваю, а он улыбается как ненормальный и письмо мне суёт.

– Какое письмо? – спросила подруга. – Опять, что ли, написал, что любит? А почему он по почте тебе это письмо не отправил? Зачем сам-то его принёс?

– В том-то и дело, что нет! Не писал, что любит, в смысле. Представляешь, он сам себе как бы от меня письмо написал. Что теперь это типа я его люблю, жду и вообще с той самой дискотеки несчастной только о нём и мечтаю. Я знаешь как перепугалась, когда поняла, что за письмо он принёс! Чуть ли не сильнее, чем ночью, когда он за мной бежал. Хорошо, папа дома был. Поговорил с ним, письмо почитал. Увидел, что тот не особо буйный, хотя и очень настойчивый, на чай его пригласил. А сам, пока мы на кухне с придурком сидели, быстренько нашёл, куда в таких случаях звонить надо. У нас тут ведь это рядом совсем, на Фурманова.

…

Когда меня обследовали и разрешили пробные пятиминутные прогулки внутри периметра, первокурсники с филфака явились ко мне в психиатрическую лечебницу извиняться за весёлый розыгрыш.

2018.

Любовь и маркетинг

На мой девятнадцатый день рождения семнадцатилетняя Арина, с которой мы приятельствовали в спортлагере, пришла в каком-то странном белом платье. День рождения у меня летом, а платье закрытое и ткань плотная; приглашены только свои, лыжники с лыжницами (у Арины был первый взрослый по лыжам), да футболисты, свои все в майках-шортах-сарафанах, а платье какое-то слишком уж торжественное.

К слову, мне перед тем днём рождения тоже странная идея в голову пришла: пить водку не как обычно, то есть наливать из бутылки грамм по тридцать-сорок в рюмки, и потом из рюмок её этак по-гусарски в глотку закидывать. Решил я подать водку в старинном бабушкином графине (таком, знаете, с притёртой пробкой), а кроме графина поставить на стол хрустальные салатницы с кубиками льда. Употреблять же напиток следовало из высоких тонкостенных стаканов объёмом никак не меньше четверти литра, и не залпом пить, разумеется, а изысканно так, по-джеймсбондовски, из стакана прихлёбывать. (Дело в 91-м было, и видеосалоны на любопытных советских подростков, едва-едва из-за железного занавеса выглянувших, очень сильно тогда влияли).

Поляну я накрыл в полном соответствии с замыслом, и,

встречая гостей, разъяснительную работу насчёт культуры потребления среди каждого из них провёл. Сели. Гости, значит, после моего ликбеза бросают в стаканы кубики льда, наливают граммов по пятьдесят, от силы – по семьдесят, как вдруг Арина в платье в этом своём торжественном встаёт и говорит:

– Прошу внимания.

Поскольку народ трезвый совсем ещё был, то просьбу Арины охотно уважили. Хотя лично мне от её интонации сразу не по себе стало, и не зря.

Лёд Арина проигнорировала, зато стакан на 0,25 налила доверху, с горкой практически. Народ от такого предисловия аж дышать перестал, чтоб не спугнуть.

– Хочу, – говорит Арина, – выпить за Мирона. (За меня, то есть – прозвище это моё в юности было).

Он, говорит, такой замечательный, хоть и женился год назад чёрт знает на ком – выбрал куклу какую-то заезжую, да ещё на несколько лет старше. (По счастью, жена моя на каникулы к маме своей уехала и на празднике не присутствовала). Я, говорит Арина, Мирона давно люблю, и пришла к нему сегодня в свадебном платье, которое я сшила своими руками, и теперь хочу, чтобы он на свой день рождения подарил мне поцелуй, после которого он, наконец, про настоящее своё счастье всё правильно поймёт.

Ни капли не расплескав, Арина стакан до губ донесла и степенно, с достоинством, небольшими глоточками, выпи-

ла. Так выпила, что и Джеймс Бонд бы позавидовал.

Народ от растерянности зааплодировал, и только футболист один, который у нас в сборной райцентра последнего защитника играл, возмутился. Чему, говорит он, вы хлопаете? Она же, говорит, будущая мать.

Ребята смутились (трезвые ведь ещё), попросили от греха подальше рюмки принести, а я после этого за свою затею со льдом и стаканами весь вечер сгорал от стыда и при каждом удобном случае пытался как-нибудь незаметно сквозь землю провалиться. В общем, праздник не задался. Хорошо ещё Арина тогда сразу опьянела и поцеловать меня не успела, так что объясняться с ней по поводу чувств её, глубоких и пылких, мне не пришлось. Над ней в тот вечер наш последний защитник шефство взял. Вывел Арину проветриться, а она на улице попросила до реки её проводить, но не в смысле топиться, как он мне потом рассказывал, а в смысле освежиться, и там, на реке, значит, выяснилось ещё, что намерения у неё насчёт меня и нашего с ней счастья совместного самые серьёзные были, поскольку под свадебным платьем на ней совсем ничего не было.

…

В следующий раз мы с Ариной увиделись через пять лет. Оба мы к тому времени перебрались из райцентра в столицу области. А вот в остальном наши пути не очень совпали. Я развёлся, она вышла замуж за известного в области писателя. Я перебивался случайными заработками, она сделала

умопомрачительную для 90-х карьеру, став корреспондентом на областном телевидении.

Новости про телевидение и солидного мужа-писателя заставили меня взглянуть на старую знакомую другими глазами и сразу увеличили дистанцию между нами. Согласитесь, при таких обстоятельствах странно было бы сохранять чуть снисходительную и как бы слегка покровительственную интонацию старшего товарища.

Пока я переваривал новое впечатление, Арина пригласила меня в гости. Завтра, в семь вечера. Знали б вы, сколько пять лет назад было таких приглашений, и как я устал от них отшучиваться. А тут я вдруг поймал себя на том, что нынешнее приглашение мне, пожалуй, даже польстило. Сказал, что очень рад предстоящему знакомству с её мужем-писателем, причём, сказал искренне: подобный визит придавал мне значимости, в которой я тогда дико нуждался, и был уверен, будто самый верный способ стать значимым – познакомиться с теми, кого считают значимыми. С телезвездой и писателем, например.

Однако знакомству с настоящим советским писателем, членом Союза и даже каким-то комсомольским лауреатом, не суждено было состояться. Арина сообщила, что писателям сейчас платят совсем не так, как при социализме, поэтому муж вынужден работать в газете, и в данный момент находится в длительной командировке за пределами области. Сначала я расстроился, но потом в памяти всплыл чувствен-

ный тост, произнесённый Ариной на моём дне рождения, я сопоставил его с приглашением в отсутствие мужа, и снова воодушевился. Чем, в конце концов, интрижка с женой писателя хуже знакомства с самим писателем?

Уже с порога мне стало ясно: насчёт интрижки я не ошибся. В квартире, говоря по-писательски, царил волнующий полумрак, который подчёркивали живописно расставленные там и тут свечные огарки, а на кухонном столе стояли заиндевевшие после морозилки пол-литра «Сибирской», домашние соленья с маринадами, две рюмки и два прибора.

Одежда хозяйки подтверждала мою догадку. Яркие лосины обтягивали точёные икры, крутые бёдра и плоский живот сохранившей отличную форму лыжницы-перворазрядницы. А полупрозрачная белая рубашка позволяла во всех подробностях рассмотреть не стеснённую бельём грудь, которая для перехода на уровень КМС[2] стала, пожалуй, великовата, но вот для того, чего Арина хотела пять лет назад… С такими мыслями я взглянул, наконец, на лицо Арины, и мне стало неловко. В её взгляде не было ничего ни про секс с симпатичным любовником, который намного моложе мужа, ни про самоутверждение, ни про месть за несостоявшийся в юности роман. Глаза Арины повторяли одну очень простую фразу: «Дурак, я же до сих пор в тебя влюблена».

Странно как получается, подумал я, чтобы не задохнуться от нахлынувшего вдруг восторга. Почему в девятнадцать

[2] Кандидат в мастера спорта.

меня эта её влюблённость раздражала? И почему сейчас я уже готов не только в неё влюбиться, но и отбить у писателя? Не могла ли такая перемена случиться со мной из-за её нового статуса? Или всё по-настоящему, причина исключительно в том, что Арина похорошела и повзрослела?

За стол я сел с намерением не спеша насладиться внезапным подарком судьбы, которая вместо тешащего самолюбие секса с телезвездой (и по совместительству – женой писателя) решила порадовать меня самой настоящей влюблённостью, не случавшейся со мной страшно вспомнить сколько. Водка позволила притормозить события, и какое-то время мы провели в очень приятном режиме. Мы играли в невинный разговор давно не видевшихся старых знакомых, хотя прекрасно знали, о чём каждый из нас сейчас думает и что чувствует по отношению к собеседнику. Этот главный разговор мы сначала вели одними глазами, однако очень скоро Арина оказалась у меня на коленях, и принялась медленно, со вкусом, целовать меня в губы, попутно расстёгивая пуговицы на своей рубашке.

Я нёс полураздетую девушку в комнату, отмечая, какая горячая у неё спина и насколько прохладнее её восхитительная грудь с крупными мурашками вокруг затвердевших сосков. По дороге я с тревогой прислушивался к своему организму, чтоб понять, насколько он готов соответствовать. Ведь одно дело – снисходительный секс с навязчивой поклонницей, и совсем другое – секс при обоюдной и острой

влюблённости. Мало ли какой фортель нервная система может выкинуть при таком-то стрессе, пусть и сугубо положительном… Организм ответил на мой запрос так, что я завибрировал от радостного предвкушения и ускорил шаг. В этот момент Арина вдруг соскользнула на пол и начала отдаляться от меня, с оправдательной интонацией бормоча что-то на ходу.

«Подожди, подожди секунду, это буквально пять минут, надо было сразу, сначала, как же я не вспомнила, ведь муж мне постоянно напоминает, что всегда надо это делать, что никогда не знаешь, как и где получится…», – расслышал я, и сначала подумал, что речь о презервативах, а потом меня оглушило упоминание о муже, который о них почему-то постоянно ей напоминает – это что же получается, он насчёт нас с Ариной и моей влюблённости в курсе, что ли? откуда? да я сам полчаса назад был не в курсе, блин! или я тут вообще не при чём, нафантазировал про любовь бог знает чего, а на самом деле она не только со мной так себя ведёт? – однако реальность превзошла самые неприятные версии и мрачные предчувствия.

Когда на кухне загорелся верхний свет, я увидел Арину застёгнутой на все пуговицы. На рубашке висел зелёный значок с белыми буквами «Loose weight now, ask me how»[3]. Девушка расставляла на столе баночки и коробочки с надпи-

[3] «Хочешь похудеть – спроси меня как» (рекламный слоган «Гербалайфа», производителя биодобавок).

сью «Herbalife». А я не мог поверить своим глазам и мечтал, как бы сейчас выразились, всё это развидеть: до того, как разориться и опуститься до случайных заработков, я год торговал зерном, а в этой среде, где люди ворочали сотнями тысяч тонн, к сетевому маркетингу относились с брезгливостью.

– Понимаешь, – заискивающе говорила Арина, – с деньгами сейчас очень плохо. Мужу платят не очень. На книжках ничего не заработать сейчас, если это не детективы, в газете у него тоже копейки… У нас на канале вообще зарплату задерживают, говорят, радуйтесь, что устроены официально, и что работа престижная, к нам, говорят, на государственное телевидение с журфака годами в очереди стоят… А тут такое дело выгодное, люди, которые не ленятся и в себя верят, за год долларовыми миллионерами становятся. Мы с мужем на бизнес-семинаре в Москве сами таких видели, разговаривали с ними даже… Я знаю, что тебе, скорей всего, это не надо, но у нас в организации правило есть – нельзя стесняться знакомых, иначе никогда ничего не заработаешь. Надо каждый шанс использовать, а мы с тобой всё ещё успеем сегодня, да и на завтра можешь остаться… Короче, сделал дело – гуляй смело, – смущённо улыбнулась Арина, сменила тональность на официальную и начала читать мне лекцию о вкусном и здоровом «Гербалайфе».

С трудом сдерживая рвущийся наружу хохот, я пил «Сибирскую» и прикидывал, как побыстрее отсюда свалить.

2018.

Sex, drugs и предусмотрительность

Обстоятельный и расчётливый Вадик пришёл в гости к Насте, за которой ухаживал несколько месяцев. Несмотря на вполне зрелый возраст, оба потенциальных любовника сильно нервничали. Проблему стресса Вадик решил старым дедовским способом – напоил Настю чуть ли не до беспамятства, ну, и себя не обидел.

Когда расслабленная алкоголем Настя повела Вадика из кухни в комнату, поближе к постели, тот вдруг попросил у неё мобильный телефон. Повертев аппарат в руках, кавалер отвлёк Настю каким-то вопросом, незаметно положил её мобильник на кухонный стол и позволил, наконец, увлечь себя в постель.

В 6 утра оглушённая похмельем Настя проснулась от трелей вибрировавшего на кухонном столе мобильника. Жутко хотелось пить, но сил, чтобы подняться и дойти до кухни, не было. Настя решила спать дальше, понадеявшись, что телефон уймётся сам собой и привалилась к уткнувшемуся в стену Вадику. Однако за первым звонком, который телефон перевёл на автоответчик, последовал второй, потом третий…

Приоткрыв один глаз, Настя поднялась и заковыляла на кухню. Стоило ей прикоснуться к телефону, как тот умолк. «Что за шутки», – раздражённо подумала она, пыта-

ясь сквозь слипшиеся веки разобрать имя настойчивого абонента, и в этот момент из комнаты донёсся голос Вадика:

– Это я звонил. У нас водички нет?

2017.

Мастерство не пропьёшь

В юности я несколько лет был футбольным голкипером. В молодости полгода стоял на розливе пива в студенческом кафе. А в 1992 году посмотрел в видеосалоне фильм «Коктейль», где Том Круз играл бармена-жонглёра. И вот что из этого вышло.

Смешав перечисленные факты в произвольной пропорции, моя голова подарила мне весьма экзотичную застольную привычку. Граммов после двухсот я, прежде чем разлить водку по рюмкам на каком-нибудь людном празднике, подбрасывал бутылку под потолок и за долю секунды до падения эффектно ловил её над столом либо над полом. Вскоре за мной утвердилась слава настоящего, всамделишного и взаправдашнего бармена, который жонглирует бутылками не хуже Тома Круза. Меня стали просить исполнить смертельный номер на заказ.

Как-то раз, 31 декабря вечером, мы с друзьями сели выпивать. А ночью друзья привели меня в очень, очень приличный дом. Все гости при галстуках, хозяйка чуть ли не в вечернем платье, стол – в хрустале и фарфоре. В общем, на нас косились. Девушка из нашей компании решила установить контакт с другими гостями и крикнула:

– А вот посмотрите, что у нас Андрюшка умеет!

Я резко дёрнул бутылку «Хенесси» за горлышко и стал на-

блюдать за её заторможенным, будто бы в замедленной съёмке или в невесомости, полётом. С абсолютным хладнокровием я отметил, как бутылка пролетает мимо не замеченной мною перед броском грандиозной люстры и более чем своевременно теряет инерцию взлёта в считанных сантиметрах от высокого, с лепниной, потолка. Правая ладонь уже подёргивалась от нетерпения и предвкушала смачный, упругий шлепок, с которым в неё ляжет округлый бок сосуда с драгоценной жидкостью, как вдруг…

– Андрюха! – раздался из прихожей знакомый голос.

Бутылка падала так медленно, что я решил сходить в прихожую и обнять старого приятеля, с которым не виделся года три, и которого никак не ожидал встретить именно сегодня и именно здесь.

Приличные гости застыли. Уронив челюсти на стол и не особенно доверяя собственным глазам, они наблюдали, как некий мутный тип зачем-то швырнул к потолку бутылку дорогущего коньяка, а затем с полнейшим равнодушием к судьбе метательного снаряда отвернулся от стола и ушёл в прихожую обниматься с новым гостем.

За спиной взорвалась огромная салатница. Гостей забрызгало «Мимозой» и осколками хрусталя. Тёмное, пахучее пятно «Хенесси» медленно растекалось по белоснежной скатерти. Тишина звенела.

– Я надеюсь, – ледяным тоном осведомилась хозяйка, – больше Андрюшка ничего не умеет?

2017.

Где сидит покойник

В девяностые корреспондентов одной областной газеты начальство заставляло не только писать заметки, но и работать менеджерами по рекламе. Платили не тем, кто больше читал, много знает и лучше пишет, а тем, кто приносит больше денег. Иногда такой прагматизм приводил к интересным последствиям.

Самую крутую журналистку (то есть самого эффективного менеджера) послали на официальные торжества по случаю юбилея. Чествовали уроженца здешних мест, знаменитого архитектора Николая Львова. Задание это обрадовало журналистку чрезвычайно. Она рассуждала так. Если юбилей архитектора отмечают в администрации области; если туда приходят: губернатор со всеми замами, председатель законодательного, десяток-другой мэров и вся творческая элита региона, значит, подрядами архитектор, мягко говоря, не обделён. А раз подряды есть, то и денежки водятся. Стало быть, как только юбиляр подопьёт, надо разводить товарища на заказную статью про его архитектурное бюро и про него лично. Причём, по случаю юбилея заряжать следует минимум разворот (две полосы в середине газеты) плюс портрет на первой, которая по двойной цене идёт.

Годы жизни юбиляра (1753 – 1803) журналистку ничуть не смущали, поскольку относительно биографии знаменито-

сти она пребывала в счастливом неведении.

На приёме журналистка долго пыталась вычислить виновника торжества и злилась на главреда, который почему-то не потрудился показать ей фотографию архитектора. Хищница решила действовать из засады – подождать, когда юбиляр засветится за столом. Должен же он, в конце концов, ответить хоть на один из бесчисленных тостов, провозглашаемых за его талант!

Зловредный покойник этой обязанностью манкировал, и часа через полтора журналистка от выжидательной тактики перешла к активным действиям. Она представилась сидевшей напротив породистой старухе с ниткой крупного жемчуга на морщинистой шее и спросила:

– Простите, а где же сам именинник?

Дама, которая представляла на юбилее потомков знаменитости, прокашлялась и на фоне моментально возникшей в зале почтительной тишины отчеканила:

– В фамильном склепе.

2017.

Поздно выпитая вторая

Празднуем в редакции 8-е марта. Во главе стола восседает главный редактор – умная, стильная женщина с хорошим чувством юмора. При этом она же – жёсткий, авторитарный руководитель, склонная к категоричности в высказываниях и поступках. Пить только начали, и после первой хозяйка редакции ещё не в духе. Обстановка крайне напряжённая. Народ смотрит в стол и боится слово сказать – идею 8-го марта главный редактор не любит, а если тост ей не понравится, то поди знай, как потом твоё выступление на зарплате отразится.

Главред с надеждой оглядывает проглотивших языки подчинённых, потом с тоской смотрит на стоящую перед ней полную рюмку, прокашливается и мрачно закуривает. Праздник оказывается под угрозой. Поскольку мне главред симпатизирует, я решаюсь рискнуть.

– Как говорил один мой знакомый охотник, поздно выпитая вторая – это напрасно выпитая первая!

Главный редактор едва заметно улыбается и с удовольствием выпивает вторую. Все с облегчением следуют её примеру.

Через несколько минут вновь повисает неловкая пауза, и главред спрашивает:

– Сергей, а насчёт третьей ваш охотник ничего не гово-

рил?

2017.

«Верю, надеюсь, не пью…»

1997-й год. Главред областной газеты просматривает свёрстанную полосу перед тем, как подписать её в печать. На полосе – интервью со звездой, популярным эстрадным автором-исполнителем. Интервью появилось в газете так.

Местный телемагнат привёз столичную звезду выступить с концертом. Потом не лишённый журналистских амбиций магнат взял камеру и уединился со звездой не то в ресторане, не то в сауне. Телеверсию интервью он планировал выпустить у себя на канале, а газете заказал сокращённую печатную версию, чтоб дать анонс передачи. Кассета с исходником была, что называется, с пылу с жару – водитель магната привёз её в редакцию ранним утром. То есть часов через пять после записи.

Так вот, главред и спрашивает корреспондента:

– Валерий, поясните, пожалуйста. Почему вдруг интервью с эстрадным певцом у вас начинается с вопроса о выносе тела Ленина из мавзолея? Вроде седьмое ноября ещё не скоро. При чём тут вообще Ленин? Разве этот деятель про Ленина пел когда-нибудь? Ладно б Кобзона про Ленина спросить, но этого-то зачем?

Автор пытается объяснить. Сбивается, смущается, краснеет, и, наконец, решается:

– Понимаете, Марина Вячеславовна… Дело в том, что

на тот вопрос, который на самом деле на кассете первым идёт, певец отвечает «Пидарасы!», ну, а дальше вообще матом.

Главред заинтересовалась и попросила показать ей исходники.

С первых кадров стало ясно: магнат с певцом пили давно, пили много и пили на равных. Люди явно были на одной волне. Оба светились от взаимной симпатии и понимали друг друга буквально с полуслова. Старательно выговаривая слова, магнат, лицо которого было неравномерно покрыто красными пятнами, оповестил установленную на штатив камеру о дате съёмки, своём имени, названии передачи, регалиях интервьюируемого и приступил. Первый вопрос был хоть и не про мавзолей, но назвать его банальным язык тоже бы не повернулся.

– Скажите, Юрий, как вы относитесь к творчеству Отара Иоселиани?

Впрочем, вопрос показался несуразным только нам. Певец будто всю жизнь ждал, когда ж его, наконец, спросят о фильмах Иоселиани. Реакция была мгновенной.

– Нет, ну а как я могу относиться к творчеству Иоселиани, если он – коммунист? А все коммунисты – пидарасы.

– Все? – деловито уточнил интервьюер, делая какие-то пометки в блокноте.

– Не все, – нам показалось, что певец как-то уж слишком легко сдал позиции, но он тут же посрамил скептиков. –

Некоторые – гондоны.

– То есть вы за то, чтобы вынести тело Ленина из Мавзолея?

На этот вопрос артист ответил развёрнуто.

– Когда я был маленьким, все бегали в красных галстуках и дразнили попов: монах в синих штанах! А сейчас выросли, галстуки поснимали, рясы напялили. Недавно мне тут один такой пионер машину освящал. Моложе меня парень. Ну ведь всем же ясно, что в юности был он пионервожатым в лагере, у костра там сидел, песни мои под гитару пел, а второй рукой под шумок вожатую тискал… А теперь у этого пионера, которому без меня та вожатая в жизни бы не дала – прейскурант. Колёса освятить – одна цена, салон – другая, от угона – третья. А вода – из-под крана, хлоркой за километр несёт. И главное, сволочь, не признаётся, что меня узнал. А я-то вижу, что узнал, по цене вижу. Ломит втрое против обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.